

Варя любила гостить у бабушки. Лето — прекрасное время, а лето в деревне прекрасно вдвойне. Все здесь нравилось Вале. И сад, и река, и широкое поле, где паслись кучерявые овцы. И бревенчатый бабушкин дом со старинной каменной печкой. На печке было тепло, и в непогоду Варя забиралась на высокую лежанку, сворачивалась калачиком и просила бабушку рассказать сказку.

Варя любила бабушку, а бабушка, хотя слыла в деревне женщиной строгой, с Варей всегда была ласкова. Для внучки всегда находилось вкусное угощение и доброе слово. Варя не любила бездельничать, и бабушка учила ее вышивать стежками на пяльцах, собирать для растопки валежник, печь оладьи с брусникой. Много в деревне занятий, непривычных городским жителям, и в каждом деле бабушка знала толк. Даже играть на губной гармошке Варя выучилась у бабушки. И гадать на березовом листике, поверяя тому свои тайны.

Варя была воспитанной девочкой и во всем слушалась бабушку. А если хотела поиграть с соседскими девчатами, посмотреть кино в деревенском клубе или купить мороженое — спрашивала у бабушки разрешения, и та ей никогда не отказывала.

Но была одна вещь, о которой просить бабушку было бесполезно. В доме, в просторной комнате, которую бабушка звала по-старинному — горницей, висела большая картина. На картине изображен был чудесный весенний сад — черемуха в цвету, кусты сирени, раскидистая рябина и ровные грядки пионов, тюльпанов, ландышей... Между грядок — сплошь россыпи незнакомых Вале серебристых цветов с пушистыми венчиками. А под рябиной копошится пугливый ежик.

Вале очень нравилась эта картина. И каждый раз, приезжая в бабушкин дом, она подолгу ее рас-

сматривала. Как звали художника и когда была нарисована эта картина, Варя не знала, да и не спрашивала. И так было видно: картина ужасно старая. Быть может, ей лет сто, а то и все триста. И выглядела она не по-деревенски роскошно: в огромной золоченой раме с фигурными завитушками, а само полотно забрано под стекло. Раз в неделю бабушка специальной метелкой на длинной ручке протирала с картины пыль. Вале же дотрагиваться до картины было строго воспрещено. Впрочем, девочка до нее и не дотянулась бы: картина висела высоко.

Но однажды, разглядывая по обыкновению картину из своего уголка, Варя заметила: рама к стене прилегает неплотно.

«Должно быть, за картиной что-то спрятано, — подумала Варя. — Какой-нибудь сверток».

Девочка подтащила поближе стул, взобралась на него и хотела уже приподнять раму, чтобы заглянуть за картину... Но тут вошла бабушка.

Бабушка очень рассердилась. Она отругала Варю за чрезмерное любопытство и велела больше не подходить к картине.

— Егоза, непоседа такая! Видишь же, рама хрупкая, еле держится. Ее только тронь, она и развалится. А тут стекло... Не дай Бог, покалечишься!

— Ну бабушка! Я только взглянуть хотела! Там, сзади, кажется, что-то есть...

— А хоть бы и так? Тебе-то что? — нахмурилась бабушка еще пуще. — Ты ж послушная девочка? Вот и запомни: картину эту трогать нельзя.

И бабушка неожиданно улыбнулась. Только улыбка ее показалась Вале странной, словно бабушка не ей, Вале, улыбается, а себе, своим собственным мыслям.

— Запомнила? — спросила бабушка строго, но глаза ее блестели по-доброму.

— Запомнила, — кивнула Варя послушно. И ясно ей стало: не передумает бабушка, не даст заглянуть за картину, и упрашивать бесполезно. А тайком забраться, послушаться — самой потом будет стыдно. Не любила Варя обманывать. Никого, а особенно бабушку. И еще опасение было: вдруг картина и вправду сорвется? Как тогда перед бабушкой оправдаться?

А любопытство... Любопытство пройдет. Так решила для себя Варя.

И помчалось время вперед. Прошло лето. И еще одно. И еще... Каждый год приезжала к бабушке Варя. Каждый год оживал старый дом, тоже радуясь гостю. Варя росла, хорошела. Бабушка старилась.

И однажды не стало бабушки. Варя плакала горько. Вспоминала минувшее. Впереди была жизнь. Позади было детство. В этот день детство кончилось. Но осталась картина — незабвенная память о бабушке.

Когда слезы просохли, Варя подумала: заглянуть за картину? Узнать, что там спрятано? Теперь некого огорчать и некого слушаться...

Но предать память бабушки? Нет, нельзя, ни за что...

Снова в сердце воскресли слова: «Ты ж послушная девочка?»

И Варя ответила вслух, в пустоту:

— Да, бабушка. Я по-прежнему... Я твоя послушная девочка...

...И еще прошли годы. Теперь Варя приезжала в деревню все реже. В доме бабушки поселились дальние родичи, а у Вари была своя жизнь. Институт, работа, спортшкола... Пришел день, повзрослевшая Варя вышла замуж за приличного человека.

Но порой набегала тоска, и хотелось Варю все бросить и примчаться опять в старый бабушкин дом, посидеть у реки, побродить по знакомым дорожкам, полюбоваться опять на картину. И когда выпадала возможность, Варя садилась в поезд, чтобы вновь навестить деревню своего детства.

С годами Варя заметила, что картина меняется. Видно, летний зной иссушил понемногу краски: весенний сад на картине сам собой превратился в лет-

ний. Лепестки нарисованных цветов казались теперь пышнее, но как будто утратили первую свежесть. Зелень травы и деревьев поблекла. Еж под рябиной свернулся в клубок — должно быть, плотно под стеклом отошло, покоробилось. И только неведомые Варю серебристые цветы оставались, как прежде, похожи на небесный хрусталь.

И снова мелькнула у Вари мысль. Снять картину, почистить, подлатать... и заглянуть на ту сторону. Что же там?

Вдруг там спрятан золотой ключик от таинственной дверцы? Или скелет белого кролика да заржавленный корпус жилетных часов? Или бабушкины любовные письма времен канувшей юности?

Варя улыбнулась грустной улыбкой. Все мы хотим верить в сказку. Но детство прошло. И чужие тайны пусть останутся тайнами.

— Я послушная девочка, — повторила Варя в который раз. А наутро уехала к мужу.

...Постепенно обнаружила Варя, что с годами меняется не только оставленная в деревне картина. Сама жизнь будто съеживалась, теряла краски, утрачивала вкус. Работа стала монотонной рутинной и заела Варю до невозможности, но менять специальность уже было поздно: возраст не тот. Муж, приличный, как казалось, человек, пристрастился к выпивке, опустил, начал поколачивать Варю. Как послушная девочка, она терпела, не решаясь уйти, но в конце концов он ушел сам — к женщине помоложе и повеселее.

Детей Варя с мужем не нажили, так что от всей семейной жизни остался только мужнин портрет в овальной рамочке, который Варя выбросить не решилась. Как-никак, а свидетельство, что и она, Варя, была кому-то в этом мире нужна, кто-то ее любил. Был такой человек на свете. Без портрета уже и не верится, а посмотришь — и память станет на место. И скажешь себе: у меня была жизнь.

Конечно, помнила Варя и бабушку. Но ведь бабушкам положено любить внушек. Это как бы не в счет. Или нет?

...Варя вышла на пенсию: подошел уже срок. В тот же год прилетело письмо: деревенские родичи съехали в город. Дом бесхозный, свободный. Без присмотра придет в запустение.

Варя думать не стала. Она знала и так: бабушкин дом ждет ее. Собралась, села в поезд... На соседнем сиденье увидела березовый листик. Загадала: больше не возвращаться. И простилась мысленно с городом.

...Деревенский дом был мрачен и пуст. Бревна потемнели от сырости. Ставни покосились.

«Сколько я уже здесь не была? Десять лет? Или больше?»

Варя обошла комнаты. Вот и горница. Вот и картина. Полотно отсырело, размокло. Сквозь стекло темнеют бороздки от сбежавших вниз капель. Словоно плачет картина. Сад на ней стал осенним.

И цветы, и деревья смазаны, будто пожухли. Фон размыт — на картине дожди. Зелени не осталось, вся сошла — это значит, облетела листва. Только рдеет багрянцем рябина, да местами светятся желтые пятна. Что поделаешь, осень есть осень. Неподвластен ей лишь хрусталь — серебристый цветник не стареет.

Варя протянула руку навстречу картине.

«Что ты делаешь? — всколыхнулся беззвучный голос. — Ты же послушная девочка!»

— Я не девочка, — ответила Варя. — Я старуха.

Она коснулась картины. Кончиками пальцев погладила поверхность стекла. Стекло было холодным. Голос умолк.

Варя подошла ближе. Взяла картину за раму. Отстранила чуть-чуть от стены.

С глухим стуком из-за картины выпал сверток. Там, в стене, видно, был тайничок.

Варя подняла сверток с полу. Развернула истлевшую ткань.

Странный набор! Синие туфли — словно легкие лодочки. Круглое зеркальце с металлической ручкой — чудо что не разбилось! Жестянка с какой-то трухой. И сложенный вчетверо лист бумаги — плотный, нетронутый временем.

Варя вышла на крыльцо — там светлее. Развернула лист. Прочла:

«Милая Варенька, внученька!

Коли читаешь ты эти строки, значит, пришла пора. Настала юность, а детство осталось в прошлом. Храни о нем память, не забывай и меня, твою старую бабушку, но в уме держи главное: ты теперь на пороге большой и счастливой жизни. Не ошибись! Юность — тревожное время. Время непокорных сердец и высоких мечтаний. Время, когда ранима душа. Легко обмануться и сделать неправильный выбор. И все же я верю: ты смысленная девушка и тебе хватит мудрости отыскать свое счастье. Первый шаг — смелый шаг — ты только что сделала: отринув изжитый запрет, отодвинув картину, ты нашла этот сверток. Пусть же сослужит тебе он добрую службу.

Я знаю, в наш век не пристало верить преданиям. Я и сама отношусь к ним с улыбкой. Но все же... Давным-давно моя старая бабка подарила мне это зеркальце, и туфли, и семена неугасимки садовой. И сказала мне так: «Зеркальцем на жениха погадай: блеснет золотом — суженый твой, ну а мраком повеет — чужак. Неугасимку посеи в палисаднике. Коли взойдет, знай: ничто не потеряно, сокровенное сбудется. А туфли надень, коль собьешься с пути. Из любой беды они выведут, торную дорогу укажут». Так сказала мне бабка. Я смеялась, конечно, а вот видишь — жизнь прожила счастливую. И теперь мой черед передать тебе бабкин наказ. Верь не верь, а подарок прими. А окажется все это сказкой — не беда. Глядишь, пригодится в хозяйстве и зеркальце, и туфли на свадьбу наденешь, и цветы сад украсят.

Что прибавить... Будь смелой, будь доброй. Иди по жизни легко. За ушедшее не держись, за неправедным не гонись. Да и сами заветы старушечьи чересчур всерьез не бери: хороши они, а все ж сердце свое мудрей. Будь же счастлива! Юность — прекрасное время!

Обнимаю тебя,  
твоя бабушка».

Прочитала Варя письмо — весточку из далекого прошлого. И долго стояла на крыльце, глядя вдаль, вслед несбывшемуся.

— Вот, значит, как, — произнесла наконец, — выросла я, выходит, до юности.

И старческими ладонями провела по лицу, пытаюсь разгладить морщинки. И хотела смахнуть Варя слезы, но глаза были сухи, а на сердце — глухо и пусто.

Решила тогда Варя выбросить бабушкин сверток. На что он теперь?

Но что-то ее удержало, что-то кольнуло в душе. И Варя раздумала. Вернулась в дом, принялась наводить чистоту. Помыла полы, проветрила комнаты. Обмахнула в углах паутину. Картину сняла, протерла. На обороте холста с трудом разобрала неровные буквы: «Рисоваль крѣпостной Смирновъ Иванъ, лѣта 1824».

Усмехнулась Варя.

— Что ж, и я, выходит, как крепостная жила. Послушная, смиренная. Верная. А кому оно надо? Пусть хоть в старости юной побуду.

Взяла Варя жестянку с грухой — семенами неугасимки. И посеяла в мертвом саду вокруг дома. Дотащила от колодца ведерко, полила.

А затем взяла зеркальце, поднесла к нему мужнин портрет в овальной фигуристой рамке.

Но не вспыхнуло зеркало золотом, не повеяло мраком. А затянulosь будто бы патиной — серой, матовой, беспросветной. Или, может, то пыль легла? Варя протерла зеркальце тряпкой. А портрет снесла на помойку.

Потянулись осенние дни. Каждый день, если не было дождика, поливала Варя посев — неугасимку в саду. Но ростки не показывались. Не сезон, да и семена, наверное, высохли за долгие годы, утратили волю к жизни.

Вот и первые заморозки. Деревенские лужицы подернулись ледяной корочкой. На траве окрест — иней. Блестит, словно хрустальная пудра. И в саду все сверкает стеклянно, будто снегом земля припорошена.

Но ведь не было снега! А значит?..

Варя выбралась в сад. Присмотрелась — и точно! Сквозь мерзлую землю тут и там пробилась ростки. Серебристо-хрустальная неугасимка тянулась к стылому осеннему небу.

И холодная эта краса согрела Варину душу. Всколыхнулась надежда. Может, рано отчаиваться? Может, бабушкины заветы — не пустые слова? Может, все еще сбудется? Только как? Этого Варя не знала.

Но она вернулась домой, обула дареные туфли, накинула теплую шаль, а в карман опустила зеркальце... И пошла через сад, по проселочной узкой тропинке, мимо вымерших сельских домов — прямо к центру села, к вокзалу, к музею, к бывшему деревенскому клубу. Туда, где мир полон людей, суеты, голосов и веселья.

И когда до вокзала осталось немного — только улицу пересечь, широкую ровную улицу, покрытую асфальтом, как в городе, — Варя вдруг побежала. Ей кристально сделалось ясно: больше нельзя терять ни мгновения. Здесь, сейчас — решается все. Впереди у вокзала сновали люди — молодежь, старики, дети, взрослые — и одна пожилая фигурка напомнила Варе бабушку.

Варя вскрикнула. Поскользнулась на обледенелом асфальте. Туфли чиркнули остро и тонко. Рядом сверкнули фары, раздался лязг тормозов, скрежет шин. Внезапно возникший автомобиль рывком свернул влево, ударился о фонарный столб... И Варя услышала звон — хрустальный звон разбитого стекла.

Варя упала навзничь, и мир сомкнулся перед ее глазами...

...И была тишина. Невесомая, бесконечная.

Варя лежала, боясь шелохнуться, и слушала тишину. Тишина то сгушалась, то делалась тоньше. И в конце концов, в ней прорезался ритм. Звук. Варя вслушалась. Звук казался знакомым.

— Да ведь это, наверно, часы, — так подумалось Варе. И она открыла глаза.

— Вот я где...

В белой комнате. Много кроватей. Вдоль рядов мирно движется нянечка в белоснежном халате. Всюду звуки больницы, и запах карболки, и яркое солнце сияет сквозь широкие окна.

Варя села в постели. Поднесла к лицу руки. Руки были в бинтах. Немного саднило шею и лоб.

Нянечка заспешила к Варя:

– Ты куда? Тебе пока рано. Лежи. Я сейчас позову...

Варя нахмурилась. И поняла: лицо тоже стягивают бинты.

«Лежу тут, как мумия», – подумала Варя. И ей почему-то сделалось весело.

А в следующий миг вошла бабушка. Самая настоящая Варина бабушка. И Варя оцепенела.

Вид у бабушки был сердитый.

– Говорила же, говорила тебе! Не касайся ты этой картины. Стекло хрупкое, разобьется. Да разве тебе что втолкуешь, егоза, ослушница окаянная?

– Бабушка? – выговорила Варя.

– Ну что теперь – «бабушка, бабушка»? Лежи уж. Все руки в бинтах. Главное, чтобы шрамов на лице не осталось. А то куда это годится – девчонка малая, вырастешь, кто тебя замуж возьмет?

И бабушка долго еще ворчала, и хлопотала вокруг Вари, устраивая ее поудобнее, и выговаривала в сотый раз за непослушание, и корила себя, что не сняла давным-давно растреклятую картину и не снесла в музей или клуб.

А Варя распутала кое-как бинты на руках. Оглядела детские изрезанные ладошки. И дрожа, словно малый зверек, прижалась к бабушке и обняла ее крепко-крепко.

– Ну, будет, будет, – приговаривала бабушка ласково. – Натерпелись мы с тобой страху. Впредь будешь слушаться.

И Варя хотела сказать: «Да, бабушка», – но промолчала. Лишь улыбнулась.

...И снова в деревне лето. А Варя в гостях у бабушки. И дом вроде прежний, но нет в нем больше

старой картины. Холст вместе с рамой отдали художнику, заезжаемому собирателю древностей.

Бабушка вновь стала прежней. Строгой, ворчливой немного, но для любимицы-внучки готовой на все.

А вот Варя переменялась. Нет, бабушку она любила по-прежнему, и даже, наверное, больше. Но сама сделалась озорницей, и в глазах ее зажегся огонек непокорности. Блеск бесстрашия, присущий лишь ранней юности и самой глубокой старости, когда человек готов рискнуть всем, потому что терять уже нечего.

Варя теперь ничего не боялась, и не было ей запретов. Она спокойно ходила за ягодами в самую глухую лесную чащу, и лазала на деревья, и бегала босиком по лужам, и ела малину прямо с куста, и танцевала до изнеможения с соседскими девчатами и парнями, и поколотила самого отпетого деревенского хулигана, а потом сбежала с ним же в дальние – дальние края...

И была счастлива, настолько счастлива, что даже неутомимое время замедлило бег, а потом и вовсе осталось позади. А Варя ушла вперед – в сад хрустальных цветов, душистой рябины и весеннего солнца. ■